

Глава 1037: Нарушители спокойствия при дворе! (IV)

Великий Наставник был лидером Трех Герцогов, направляющим светом гражданских чиновников. Было ясно, что его слова повлияли на Императора Мудреца. Хотя слова «мы понимаем» не указывали на определенную позицию, они были символом серьезного сдвига в дебатах, массивного признака благосклонности.

- Нехорошо! - Генералы в зале все почувствовали, как их сердца сжались. Под влиянием Великого Наставника, Император Мудрец явно начал склоняться к гражданским чиновникам. Талас был в разгаре кризиса и послал много писем, срочно требующих подкрепления. Если это предложение не может быть принято, Ван Чун и Гао Сяньчжи почти наверняка проиграют.

Это были два генерала-Императорских защитника!

Император Мудрец, казалось, был на грани принятия решения, и внезапно легкий ветерок объявил о входе кого-то в зал. В то же время все слышали голос.

- Ваше Величество, этому старому предмету есть что сказать! - Когда голос заговорил, в восприятии каждого появилась нежная аура, подобная теплу солнечного света, сияющего над землей. В дверь медленно вошла седовласая фигура с прямой спиной в белом халате.

Уааааа! Вид этой фигуры сразу вызвал бурю ропота.

- Герцог... герцог Цзю! - Когда кто-то выкрикнул это имя, генералы начали болтать между собой, в то время как гражданские чиновники были ошарашены. Даже Великий Наставник, который только что собирался сесть, почувствовал, как его сердце сжалось, а тело задрожало.

Герцог Великого Тана Цзю!

Мудрый служитель золотого века!

Это был самый престижный и самый уважаемый человек Великого Тана. Несмотря на то, что он несколько десятилетий назад ушел в посольство Четырех Кварталов, он по-прежнему имел огромное влияние и репутацию в обществе. Даже Великий Наставник не мог сравниться с ним.

Одного имени «герцог Цзю» было достаточно, чтобы символизировать его престиж.

- Отец! - Ван Гэн был также потрясен, увидев, что появился его отец. Как раз, когда он планировал подойти, герцог Цзю бросил на него взгляд, который заставил его немедленно остановиться.

- Великий Наставник, прошло много времени с тех пор, как мы встречались в последний раз! - Ван Цзюлин медленно шагнул вперед, держа трость и нежно улыбаясь.

- Герцог Цзю!

- Герцог Цзю!

- Герцог Цзю! - Все чиновники в зале почтительно опустили головы перед этим пожилым человеком и отступили в стороны. Даже у великого писца Яна Вэньчжана было торжественное и почтительное выражение лица. Он поклонился и уступил дорогу.

Как один из архитекторов золотого века Великой Династии, герцог Цзю обладал влиянием при дворе, которое было почти невообразимым. Многие из важных чиновников при дворе слышали легенды о герцоге Цзю, на которых они выросли.

Тук! Тук!

Белая деревянная трость в руке герцога Цзю стучала по полу, пока он медленно шел вперед.

- Цзюлин отдает дань уважения Его Величеству! - Пройдя несколько чжанов, герцог Цзю внезапно остановился и слегка поклонился фигуре, сидящей за шторами из бисера.

- Вы тоже пришли. - Голос раздался над залом, высочайший и достойный, но с крошечным оттенком тепла.

Император Мудрец и Герцог Цзю были сувереном и подданным, один дополняющий другого. Вместе они создали тридцатилетний золотой век для Великого Тана, и их подвиги пленили весь Великий Тан. Хотя герцог Цзю вышел на пенсию несколько десятилетий назад, было ясно, что он по-прежнему занимает высокое место в сердцах людей и Императора Мудреца.

Великий Наставник почувствовал, как его сердце сжалось. Хотя Император Мудрец только сказал несколько простых слов, выраженная в них дружба заставила глаза Великого Наставника широко раскрыться.

- Цзюлин, ты пришел ради своего внука? - Великий Наставник резал прямо в точку, его глаза были острыми и жестокими.

Герцог Цзю усмехнулся, откровенно признавшись:

- Да, но также и нет. - У Великой Династии есть закон, согласно которому в ходе дворцовых прений все те, кто связан, в том числе кровно, должны самоотводиться. Цзюлин должен это знать.

Среди чиновников только Великий Наставник, лидер гражданских чиновников, мог напрямую обращаться к герцогу Цзю как «Цзюлин». Оба были старыми чиновниками, которые служили при двух императорах, и оба были старше семидесяти.

- Рекомендую талант, смотрите объективно в глаза даже тем, кем вы недовольны, и даже своему сыну. - сказал Герцог Цзю со слабой улыбкой.

- Но Ван Чун твой внук! - Великий Наставник резко посмотрел на герцога Цзю.

- Ха-ха, Чжунми совсем не изменился. - Герцог Цзю тихо рассмеялся, отбросив обвинения Великого Наставника, будто они были весенним бризом. Великий Наставник имел такой вес, что даже Императорские Принцы, такие как Царь Сун и Король Ци, должны были относиться к нему с большим уважением, не говоря уже о таких чиновниках, как Цзян Юньран и Ян Вэньчжан. Никто, кроме, возможно, герцога Цзю, не мог произнести имя Великого Наставника перед собравшимся двором.

- Несмотря на то, что непослушный мой внук является причиной этого инцидента в Таласе, по своей сути, это вопрос войны и мира. Таким образом, Ван Чун мог бы быть моим внуком, но это не повод, чтобы я отказывался от этой дискуссии. - Герцог Цзю протянул свою трость и продолжил движение вперед.

Все в зале последовали за ним. Герцог Цзю шел очень медленно, но неуклонно. Каждый человек чувствовал необычную гармонию от его тела, как будто мягкая морось весеннего дождя молча сливалась со всем миром.

В верховьях зала лицо Великого Наставника было пепельным. Это были не обычные дворцовые дебаты, а то, что касалось корня ссоры между гражданскими и военными чиновниками. В такое время человек, которого он меньше всего хотел видеть, был Ван Цзюлин.

- Цзюлин также услышал слова Великого Наставника. Цзюлин сломал исключение и оставил Посольство Четырех Кварталов, чтобы прийти во дворец поговорить об одном вопросе. Добиваться мира через войну позволит жить в мире, но стремиться к миру через мир будет заставить человека умереть в мире. Именно на этом основании, когда старый субъект был министром, и восточные и западные турки совершали набег на границу, старый субъект решил возглавить армию для покорения тюркских степей и победы над турками, хотя субъект знал, что переговоры возможны. Именно эта война принесла мир на десять с лишним лет, поскольку турки не осмеливались безрассудно совершать набеги на наши границы.

- У арабов никогда не было никаких отношений с этой империей. Если мы будем стремиться к миру до войны, другая сторона будет легко думать о нас, недооценивать Великий Тан, и в будущем Великий Тан будет ввергнут в бесконечный конфликт. Таким образом, для мира Великой Династии Тан и народов всего мира старый субъект считает, что укрепление Таласа как можно скорее является высшей политикой. - С этими словами герцог Цзю поправил свое тело, поправил рукава и глубоко поклонился.

В зале было так тихо, что можно было услышать падение булавки. Герцог Цзю был известным и почитаемым министром, архитектором золотого века Великого Тана. С его статусом его слова имели невообразимый вес. Это было связано не только с его точкой зрения на ситуацию в Таласе, но и с тем фактом, что он говорил из своего многолетнего опыта премьер-министра, опыта, который никто не мог отрицать.

Отрицать герцога Цзю означало отрицать золотой век Великого Тана и его мир и процветание.

На мгновение в зале стало жутко тихо. У всех было задумчивое выражение лица. Даже гражданские чиновники, такие как Ян Вэньчжан, Чжэн Чэнли и Чжоу Тайцин, выглядели задумчивыми.

- Замечательно. - Король Сун глубоко вздохнул с облегчением. Даже он не предсказал, что герцог Цзю покинет Посольство Четырех Кварталов и предстанет перед двором. Великий Наставник был старым чиновником, который служил при двух Императорах и обладал таким статусом, что даже он, Императорский Принц, не мог многое сказать. Если бы не герцог Цзю, вопрос Таласа был бы решен, и они действительно были бы вынуждены отступить.

Правление Великого Тана над Западными Регионами было бы прекращено, а трехсторонний союз арабов, тибетцев и западных турок вызвал бы бесконечные бедствия.

- Черт возьми, он разрушает мои планы! - Никто не был так зол, как Король Ци. Зубы у него были стиснуты, а лицо искажено яростью.

Он полагал, что мог использовать власть гражданских чиновников, чтобы полностью подавить Короля Суна и Клан Ван. Он никак не ожидал, что герцог Цзю разрушит его планы. Что касается великого наставника Чжана Чжунми, его гримаса была крайне неприглядной.

- Цзюлин, не забывай, что ты тоже гражданский чиновник!! - Чжан Чжунми не мог не

предупредить.

В этом наиболее серьезном конфликте между гражданскими и военными должностными лицами в истории Великой Династии окончательное изменение произошло не от военных, а от гражданского должностного лица. Чжан Чжунми никак не мог подумать об этом.

- Ха-ха, много лет назад, Чжунми был таким перед нашим учителем. Как ты до сих пор не понял? Почему ты так жестко цепляешься за гражданское и военное разделение? В сердце Цзюлина нет различия между гражданским и военными, есть только одна страна. Все это ради Великой Династии Тан и его народа. Что касается Таласа, то только благодаря войне мы можем достичь мира, а стремление к миру только заставит нас страдать от хаоса войны. Вот почему Цзюлин поддерживает укрепление северо-запада!

Когда герцог Цзю энергично провозгласил эти слова, его лицо помрачнело.

Глядеть на врагов и родственников объективным взглядом, не делая различий между гражданскими и военными, ставить страну превыше всего - это был герцог Цзю!

Сказать было просто, но сколько людей могли это сделать?

Бузз!

Слова герцога Цзю заставили весь дворец гудеть от разговоров, чиновники обменивались взглядами, переговариваясь. Все они знали только, что Герцог Цзю и Великий Наставник принадлежали к гражданскому пути, но, исходя из того, что сказал Герцог Цзю, они были одноклассниками. Эти отношения оставили всех их ошеломленными.

- Ваше Величество, этот старый предмет возражает! Страна может быть огромной, но любовь к войне станет ее гибелью! Великий Тан из года в год участвует в войнах, затрачивая огромные ресурсы. Сейчас не время начинать пограничный конфликт с Аравией! - резко сказал Великий Наставник.

- Ваше Величество, предмет согласен с почтенным Великим Наставником! - немедленно заявил громкий голос.

Ледяной король Ци неожиданно вышел вперед, и объявил о своем согласии. Слова герцога Цзю имели слишком большой вес при дворе, и король Ци беспокоился, что, если он не выступит, у него не будет шанса сделать это в будущем.

- Этот предмет согласен!

- Этот предмет согласен!

- Этот предмет согласен!

Теперь, когда Великий Наставник и Король Ци выступили, те гражданские чиновники, которые были твердо настроены против войны, еще раз выразили свое согласие, но их число стало значительно меньше. Было очевидно, что престиж герцога Цзю при дворе оказал свое влияние.